

5 ноября 2015

Сегодня, 5 ноября, день рождения великого кинорежиссёра Киры Георгиевны Муратовой! По этому случаю собрали интересные цитаты из ее интервью.

* * * * *

«Даже когда не знаешь, что хочешь снимать, ты просто хочешь снимать.»

* * * * *

«В монтаже, в лексике — люблю, когда что-то все время повторяется. Иногда я иду по тихой улице и слышу из окна, как играют на фортепиано. Хорошо, если звучат какие-то роскошные музыкальные шедевры, но больше я люблю какие-нибудь гаммы, арпеджио, этюды. Фуги Баха тоже построены на завораживающих повторениях.»

* * * * *

«Если актеры не делают что-то мне противоположное, я стараюсь им не мешать. И профессиональные, и непрофессиональные актеры — они как воздух, как собака. Человек, как птица, таит что-то свое, индивидуальное, чего ты не знаешь. Если я скажу, что хочу от него по Станиславскому, он будет стараться тебе угодить. Тогда он то, что в нем самое интересное, подожмет и уберет. А так я жду, чтобы он сделал для меня сюрприз, что-то неожиданное, абсолютно свойственное только ему.»

* * * * *

«Мне нравится, когда ко мне приходит человек и преподносит мне артистический сюрприз. Поэтому я очень люблю снимать комбинированно актеров с неактерами. Актеры мешают неактерам. Они начинают топорщиться, негодуют, что прошли такую школу, а тут кто-то с улицы на равной ноге с ними будет делать что-то в искусстве. А это хорошо, что они топорщатся. С них, как мозоли, снимается защита на нервах, и в них раскрывается, помимо их профессионализма, такое биологически человеческое. Я рада, что кто-то из моих актеров — неактеров называет меня своей визитной карточкой. Они не являются кинозвездами, но они для меня мои звезды.»

* * * * *

«Я разлюбила фестивали, после того как появились кассеты и диски. После перестройки я только и делала, что ездила по фестивалям, у меня было столько паспортов! Бесконечно смотрела фильмы, с утра до вечера. А потом появилось видео, и фестивали как таковые перестали меня интересовать. Только если место интересное, чтобы туда поехать. Зачем ехать, если кино я могу смотреть дома? Но я все-таки режиссер и актриса — могу что-то изобразить. Вести себя светски, кланяться, благодарить. Возьму премию, поклонюсь, улыбнусь, скажу «Спасибо вам большое, как мило с вашей стороны». Нет, мне нравятся безделушки, но не настолько, чтобы в этом всем постоянно участвовать.»

* * * * *

«Съемки — это, с одной стороны, состояние ужаса (а вдруг, сорвется!). С другой — состояние восторга, когда идут замечательные репетиции, актеры попадают точно, куда нужно. Наверно, это можно назвать состоянием влюбленности.»

* * * * *

«Иногда я пытаюсь представить, что я — первый зритель этого кадра, этой сцены. Понимаю ли я ее? Но попытки мои тщетны, я не могу себя представить первым зрителем, я же все знаю. Снимая картину, я в первую очередь хочу понравиться себе. Я мечтала бы понравиться всем людям, но не в ущерб моему собственному мнению. Я вообще не верю, что есть такие режиссеры, которые думают: «Ну, вот этот — чистоплюй, а я делаю для людей». Это значит, что ты себя считаешь чем-то высшим, а для зрителей намешаешь какое-то пойло, чтобы им угодить. Это некрасиво. Я так не делаю не потому, что вдалбываю себе такую позицию, а потому что так не чувствую.»

* * * * *

«Идеи появляются, по-моему, у всех абсолютно одинаково. То что-то увидишь, то что-то услышишь, то что-то подумаешь, то что-то приснится. Ну, мало ли, в голове все это очень загадочно. Голова человеческая для того, чтобы наблюдать, как все это происходит, я всегда говорю, что на ней нужно иметь еще и другую голову, приспособленную, которая только для наблюдения за этой головой (сама за собой она не очень-то умеет и успевает наблюдать).»

* * * * *

«Как открыть актера, который выучился на актера, или профессионала, который не снимался, а потом снялся у тебя и стал сниматься, как, скажем, Жарков Леша? Говорят, я открыла Нину Русланову, — так она бы сама открылась через день-два.»

* * * * *

«Знаете, поступить во ВГИК, учиться во ВГИКе, закончить его и потом, может быть, быть режиссером — это совершенно разные вещи. Я считаю, что они очень мало между собой связаны. Ницше, по-моему, говорил, что планировать убийство, совершать убийство и то, что после происходит с убитым, — это три разные вещи. Так же и тут.»

* * * * *

«Из последнего, что видела, мне очень понравился фильм Слабошпицкого «Племя». Всем советую посмотреть. Лозница нравится, все его документальные фильмы. Я всегда любила Сокурова, Овчарова, которого как-то забыли сейчас, мне кажется.»

* * * * *

«Я многое ценю из чужого, но самой мне так не хочется. Зачем? Ведь все уже сделано. Это как с литературой. Чем лучше книга, тем меньше мне по ней хочется что-то снять. Она этого просто не требует. Мне нужно наоборот, чтобы там были какие-то изъяны, незаконченность, чтобы я это доделала, изменила.»

* * * * *

«Если говорить обо мне, о моем кино, то я люблю, чтобы было конкретное и одновременно обобщенное. Вечное, но в конкретных одеждах. И чтобы что-то было над этим, какое-то парение вечное. Когда удастся это объединить, сочетать, тогда я собой довольна. Про «Астенический синдром» говорили, что это диагноз своему времени, а я считаю, что это диагноз человечеству, всему и всегда. Просто на тот момент он выглядел так. Посмотрите фильм Ханеке «Любовь». Это про сейчас? Нет, про всегда. Я не понимаю, что такое сейчас.»

* * * * *

«Знаете, в меня заложена такая программа — снимать фильмы, и одним из первых ее «закладывателей» был мой преподаватель Сергей Герасимов. Я полюбила этот процесс, и мне трудно без него существовать. Даже когда не знаешь, что? хочешь снимать, ты просто хочешь снимать.»

* * * * *

«Стремление к более балетной, активной яркости вещей и предметов, всей предметной атмосферы у меня возникло, наверное, в связи с тем, что на меня сильно и благотворно повлияли такие интересные люди, как Параджанов и Хамдамов. К примеру, Хамдамов научил меня любви к костюмам. До этого я смотрела на костюм рационально.»

* * * * *

«Я не делаю рисунков к фильму, и операторы мои в основном тоже не рисовали. Вообще мало кому удавалось действительно зарисовать будущий кадр. Обычно пропорции были несколько другие — живописные, и они редко соответствовали кинематографическим. Рисунок может передавать только общее настроение. Я не люблю, откровенно говоря, даже эскизы декораций. Они обычно мало что говорят. Оператор и художник присутствуют постоянно на репетициях с актерами, при всех разговорах, которые не прямо относятся к ним. Разговоры бывают разные — за столом, в комнате, когда мы едем на натуру. Ты обращаешь внимание на какой-то предмет, вовсе не собираясь его снимать, но этот предмет становится как бы посредником и переводчиком в разговоре с твоим партнером по работе, он понимает, что тебе нравится, что ты хочешь выразить, а тебе становится что-то понятно про него.»

* * * * *

«Иногда зримое в кино перевешивает что-то другое. Когда в глаза бросается, как много народу в массовке, сколько одежды сшили. И только ты это заметишь, сразу думаешь: а, это киношка. Дорогая киношка. У меня мания: делать как можно проще и как можно дешевле, чтобы всем угодить, чтобы мне разрешили это делать. Это уже стало любовью, своим пристрастием, своей гордостью. Честолюбием ничего не стоящего действия, которое имеет результат. Есть много фильмов, очень хорошо сделанных, на которых я думаю: сколько же это стоит? Даже «Андрея Рублева» я смотрю так же. Недавно случайно включила и вижу: боже, это так дорого! Зачем?»

* * * * *

«Вы хотите от меня постулатов, а я не берусь их выдавать. Слишком много чести. Мне. Я не господь бог, я даже про кино не имею окончательного мнения. Подобные разговоры: тот талант, а этот гений, а этот еще не гений, но выше, чем талант, — они какие-то простоватые. Я не могу так жестко делить.»

Фото: Константин Донин

Источник: cinemotionlab.com